

КШИШТОФ ГОРЛЯХ¹,
Ягеллонский университет

ЗБИГНЕВ ДРОНГ,
Ягеллонский университет

ПЁТР НОВАК,
Ягеллонский университет

К дезаграризированному селу? Сельское и аграрное население в свете выборочных данных Всеобщей переписи населения²

Abstract

Recent rural and agricultural changes in Poland have been analyzed in this paper. We have particularly focused on the direction of these changes. We wondered whether despite the particular historical development of the Polish agriculture, there is a noticeable formation of the typical market-oriented farming and non-agricultural economic activities among rural inhabitants. The answer to such a question has been sought in the analysis of economic activity as well as changes in agrarian structure. The National Census 2002 data show that agriculture is no longer the major source of income for the significant part of the rural population. Moreover, the other large part of this population derives the income from welfare and other kinds of benefits. At the same time, the changes in the agrarian structure show the processes of diversification of farms (the disappearing middle), concentration of land in larger farms, increasing level of farm mechanization, increasing average size of landownership as well as the declining number of them.

¹ Подготовка окончательной версии данной статьи стала возможна благодаря полученной К.Горляхом стипендии Фонда Э.У.Меллона и сотрудничеству с Институтом наук о человеке (Вена).

² Górlach K., Drag Z., Nowak P. Ku wsi zdeagraryzowanej? Ludność wiejska i rolnicza w świetle wybranych danych spisu powszechnego // *Studia Socjologiczne*. — 2004. — 1 (172). — S. 32–47.

Вводные замечания

Изложенные в представленной статье положения представляют собой социологическое толкование изменений, происходивших в польском селе и сельском хозяйстве Польши в 90-х годах XX века. Основной вопрос, который ставили перед собой авторы, касается направления этих преобразований. Звучит он так: следует ли польское село, при всей специфике его развития [см., напр.: 4; 5; 6], по пути модернизации, характеризующейся выделением рыночного сельского хозяйства и дезаграризацией деятельности сельского населения? Ответ на этот вопрос попытаемся найти, проанализировав профессиональную активность сельского населения, а также тенденции в области сельского хозяйства. Оба аспекта, по нашему мнению, существенны с социологической точки зрения. Проблема профессиональной активности касается интересующей нас в контексте этой работы категории, а следовательно, оснований социальной идентификации в современном обществе [см., напр.: 10]. Кроме того, с этим связана важная социальная проблема, обусловленная процессами экономической и социальной реструктуризации, а именно феномен безработицы. В то же время, говоря о сельском хозяйстве, мы имеем в виду изменения характера традиционно основной сферы экономической деятельности населения, проживающего на сельской территории.

Попытка ответить на этот вопрос была предпринята нами на основании данных, собранных Главным статистическим управлением (ГСУ) в рамках Всеобщей национальной переписи населения и жилья и Всеобщей сельскохозяйственной переписи, а также комментариев представителя ГСУ, социологов и публицистов, специализирующихся в данной области [см.: 1; 7; 9; 12; 13¹].

Сельское население на фоне населения страны

Рассмотрим прежде всего некоторые общие данные. В Польше в 2002 году сельское население насчитывало около 14 620 тыс. чел., что составляло немногим более 38% всего населения страны. В сравнении с 2000 годом оно уменьшилось почти на 1%, а в сравнении с 1946-м — приблизительно на 6%. И похоже, что еще на протяжении многих десятилетий в селах будет жить более десяти миллионов поляков². Как объяснить тот факт, что, согласно данным предыдущих лет [см.: 14, с. 28–29], миграционные процессы, присоединение сел к городским территориям или просто изменения административного статуса сел, становящихся городами, не уменьшают существенным образом численности сельского населения? Ясное дело, самое существенное значение имеет здесь относительно высокий естественный прирост населения в селе, в большой мере компенсирующий сокращение сельского населения, вызванное данными процессами. Однако в последние годы определенную роль начинают играть и другие факторы. Новую, уже наблюдаемую в нашей стране тенденцию перемещения некоторых групп населения из городов в окружающие села отмечает в своем выступлении представитель

¹ Все используемые в нашей работе данные, не оговоренные иначе, взяты из последних двух отчетов.

² На 31 декабря 1946 года сельское население составляло около 15 597 тыс. чел., а на 1 января 2000 года — 14 753 тыс. чел. [см.: 14, с. 27].

ГСУ: “Одни возвращаются в село после определенного этапа жизни в городе. Других прельщает чистая вода и зеленая трава. Будучи по-прежнему экономически связаны с городом, предпринимательской деятельностью они начинают заниматься в селе. Этому способствует изменение социальной структуры села, так как вместе с приливом новых жителей возникает и новая потребительская категория. Особенно вокруг больших агломераций. (...). Жизнь в городе в условиях трансформации связана с сильным стрессом” [7]. Мы склонны утверждать, что данная тенденция свойственна не только периоду трансформации, а в целом будет усиливаться в последующий период и станет более заметной в дальнейшем. Это — проявление резидентной функции сельских районов, все более значимой в высокоразвитых странах, что особо подчеркивается в современной литературе в области социологии села [см., напр.: 8; 11; 15].

Подтверждением тому, по нашему мнению, служат также характерные изменения в численности сельских домохозяйств. В 2002 году в селе насчитывалось 4372,5 тыс. домохозяйств, почти на 7% больше, чем в 1988-м. В двух воеводствах, относящихся к тройке наиболее “сельских”, — в Свентокшиском и Люблинском — зафиксировано в период между переписями очень незначительное снижение (0,3%) в первом и сохранение того же количества сельских домохозяйств во втором. А особенно большой прирост домохозяйств (на уровне 11–16%) произошел как раз в воеводствах, относящихся к наиболее урбанизированным, в частности в Сленском и Малопольском. Мы полагаем, что этот феномен является также подтверждением в польских условиях упомянутого выше усиления резидентной функции сельских районов в современных модернизирующихся обществах.

Присутствие сельского населения в структуре жителей нашей страны, естественно, не равномерно. Наиболее “сельские” воеводства — Подкарпатское, Свентокшиское и Люблинское. Сельские жители составляют в них более половины населения¹. Стоит, однако, подчеркнуть, что данные воеводства относятся к самым бедным в стране. Достигаемый в них уровень ВВП на одного жителя колеблется в пределах 30% среднего уровня стран Евросоюза, тогда как для всей Польши он составляет почти 39% среднего по ЕС. Таким образом, подтверждается тезис, сформулированный в свое время в официальном отчете о развитии польского общества [14, с. 6], согласно которому сельская Польша — это своего рода “вторая” Польша, коей далеко до уровней, характерных для развитых стран².

¹ В Подкарпатском воеводстве — 60%, Свентокшиском — 54,1%, в Люблинском — 53,4%.

² В контексте данного утверждения нужно помнить о двух существенных моментах. Во-первых, специально для данного отчета границы сельских районов определялись по другим показателям, чем в процессе сбора данных ГСУ в 2002 году. Был использован критерий плотности населения, а не, как в случае ГСУ, официальное определение городской и сельской территории. Во-вторых, в отчете уровень развития измерялся с помощью комплексного показателя социального развития, так называемого *ИЧР (Human Development Index)*, а не при помощи ВВП. На сей раз нас интересовало лишь то, что разные способы определения сельской территории и разные методы измерения уровня их развития позволяют сделать схожие заключения.

Профессиональная деятельность и безработица

На протяжении последних лет наступило значительное снижение уровня профессиональной активности среди сельского населения. В 2002 году в сопоставлении с 1988 годом количество профессионально активных сельских жителей уменьшилось приблизительно на 18%, а не занятых профессиональной деятельностью — возросло на 61%. В результате за этот период коэффициент профессиональной активности снизился в случае сельского населения в возрасте 15 лет и старше приблизительно на 16%: с почти 72% до около 56%, а в случае населения в трудоспособном возрасте — почти на 12% (с почти 85% до 73%). Село перестало в этой сфере значительно преобладать над городом. Еще в 1988 году разница между коэффициентами профессиональной активности в селе и в городе составляла более 10%, а в 2002 году — уже только чуть больше 1%. Эти процессы подтверждают мнение, что в селе (как и в городе) в течение всего периода трансформации можно заметить снижение уровня спроса на рабочую силу. Однако это вовсе не означает, что сокращение числа профессионально активных сельских жителей объясняется исключительно потерей работы и возможностью найти ее. Уровень безработицы держится в селе на более низком уровне, чем в городе: в 2002 году в селе он достигал немногим менее 20%, а в городе — более 22%. За счет каких групп — кроме безработных — может тогда увеличиваться круг лиц, не вовлеченных в профессиональную деятельность? Возможно, речь идет о тех аграриях, которые переписали свои хозяйства на детей и вышли на пенсию (или же просто фактически в них не работают). Возможно также, что более многочисленным стал слой молодых сельских жителей, все больше времени занимающихся обучением.

В различных публикациях не раз подчеркивалось значение образования для современного молодого поколения поляков. В этом контексте обычно указывают на более низкий уровень развития сельских детей, обусловленный более ограниченным доступом к культурному достоянию, а также более широкие масштабы бедности в сельских районах [см., напр.: 14]. Получил ли данный тезис какое-либо подтверждение в материалах последней переписи населения? Оказывается, да. Среднее количество семей, проживающих в селе с детьми в возрасте 13–24 лет, где все дети продолжают учебу, составляет около 64%, а в городе — немногим более 69%. Рассмотрим данные, относящиеся к этому вопросу и позволяющие более точно его выяснить (см. табл. 1).

Анализ распределения семей, где все дети в возрасте от 13 до 24 лет продолжают учебу, с учетом числа детей, типа семьи, места жительства и образования родителей показывает, что самую сильную связь с образованием детей имеет образование родителей, а тип семьи имеет более сильную связь, чем место жительства. Вероятность того, что все дети в возрасте 13–24 лет продолжают учебу, уменьшается с ростом числа детей в семье, однако этот фактор не имеет такой сильной корреляции с местом жительства или типом семьи, как с образованием родителей. Разница в процентах между семьями, дифференцируемыми по критерию образования родителей, растет с почти 14% (в случае семей с одним ребенком) до 26% (в случае семей, где есть больше трех детей), то есть более чем на 12%. Если учитывать тип семьи, аналогичное возрастание составляет 6%, а при учете места жительства — почти 2%. Следовательно, можно признать, что сам факт проживания в селе

(вне влияния других факторов, таких как материальное положение семьи и культурный капитал, измеряемый уровнем образования родителей) теряет значение, когда речь идет о возможности получить образование для сельской молодежи. Однако следует также признать, что в настоящее время фактором, существенным образом определяющим положение людей и их жизненные возможности, является не столько сам факт образования, сколько его тип. А об этом данные, которыми мы располагаем, ничего не говорят.

Таблица 1

Число семей со всеми учащимися детьми в возрасте 13–24 лет в соотношении с количеством детей, типом семьи, местом жительства и образованием родителей, %

Семья, имеющая:	Тип семьи	Место жительства	Образование родителей*
1 ребенка	полная 85,8	город 86,0	среднее 89,9
	неполная 79,6	село 81,7	без среднего .. 76,0
	разница 6,2	разница 4,3	разница 13,9
2 детей	полная 78,3	город 79,3	среднее 84,2
	неполная 69,6	село 74,1	без среднего .. 66,1
	разница 8,7	разница 5,2	разница 18,1
3 детей	полная 64,2	город 66,2	среднее 74,5
	неполная 51,7	село 60,3	без среднего .. 52,0
	разница 12,5	разница 5,9	разница 22,5
4 и более детей	полная 42,7	город 45,5	среднее 58,8
	неполная 30,4	село 39,4	без среднего .. 32,4
	разница 12,3	разница 6,1	разница 26,4

* Категория “среднее” означает семьи, в которых хотя бы один из родителей имеет образование, но крайней мере среднее; категория “без среднего” означает остальные семьи.

Меньший уровень безработицы в селе, чем в городе, не означает, что безработные сельские жители оказываются в лучшей ситуации, чем безработное городское население. Правда, некоторые исследователи утверждают, что “последствия безработицы в селе имеют более мягкий характер, чем в городе, потому что не грозят потерей коммунального жилья. Есть свой дом, земля, не умрешь с голоду, имея собственную картошку, корову, кур и т.д. В городе долговременная безработица ведет зачастую на мусорные свалки” [1, с. 3]. Тем не менее именно этот “более мягкий” характер безработицы в селе парадоксальным образом оборачивается более негативными последствиями. Так как имея самое необходимое для существования, легче смириться с отсутствием работы и труднее собраться с силами для ее поисков. Следовательно, именно в селе можно ожидать накопления и развития этих явлений. Подтверждением такого положения дел можно признать распространенность в селе феномена долговременной безработицы. В 2002 году доля лиц, которые ищут работу дольше, чем год, составляла 47% всех безработных сельских жителей. Другой настораживающей особенностью сельской безработицы является то, что больше всего она касается молодых людей. Люди

в возрасте 15–34 лет составляют почти 62% всех безработных в селе (в городе — около 53%)¹.

Симптоматична в этом контексте и ситуация еще одной из категорий сельского населения. В 1988–2002 годах среднее количество членов сельского домохозяйства с аграрным уклоном возросло до 4 чел., в то время как общий для сел показатель количества членов домохозяйства уменьшается за этот период с 3,55 до 3,33. Можно выдвинуть гипотезу, что это отражает, в частности, возвращение в домохозяйство лиц, потерявших работу в городе вследствие преобразований в экономике. Следовательно, Б.Федышак-Радзеёвская была права, указывая на аграрное (какое бы то ни было) хозяйство как своеобразный оплот безопасности в трансформирующемся обществе, отличающемся высокой степенью риска [1, с. 1].

Население, связанное с сельским хозяйством²

Приступим к следующему элементу описания интересующей нас ситуации, к рассмотрению выбранных нами характеристик сельскохозяйственного населения, которое все еще составляет наибольшую категорию жителей села. По данным последней Всеобщей сельскохозяйственной переписи, в сельских районах живет 8504,5 тыс. людей данной категории, что составляет немногим более 58% всех сельских жителей. Однако сначала следует сделать несколько замечаний методологического характера.

Прежде всего нужно помнить о том, что данные переписи, касающиеся населения, связанного с сельским хозяйством, относятся фактически к нескольким разным категориям населения. И речь здесь идет не только о категориях, выделенных в примечании к параграфу, а в первую очередь о выделении в категории лиц, проживающих в селе, и городских жителей. В свете данных переписи оказывается, что в городах проживает 20% (!) всего населения, связанного с сельским хозяйством (стало быть, каждый пятый), а с другой стороны, люди, связанные с сельским хозяйством, в целом составляют больше 8% городского населения. Общая динамика совокупной категории людей, связанных с сельским хозяйством, говорит о ее уменьшении. Со времени предыдущей Всеобщей сельскохозяйственной переписи (1996 года) данная категория уменьшилась на 1085,6 тыс. чел. (то есть на 10%). Что, однако, любопытно, в случае села и города мы наблюдаем разные тенденции. Если количество населения, проживающего в селе и связанного с сельским хозяйством, уменьшилось на протяжении последних 6 лет на 13% (!), то в городах наблюдается его рост на 10% (!). Можно считать, что это,

¹ Следует заметить, что согласно исследованиям, проведенным по поручению Института общественных вопросов весной 2002 года (на основе общенациональной стратификационно-стохастической выборки молодых (16–30 лет) сельских жителей), 22% из них считают себя безработными. В то же время среди безработных 38% заявляют, что остаются без работы уже более 12 месяцев [см.: 3, с. 20].

² Населением, связанным с сельским хозяйством, считаются лица, пользующиеся землей в хозяйственных целях, имеющие домашний скот, а также связанные с сельским хозяйством в силу того, что являются членами домохозяйств, в которых хотя бы один человек пользуется землей в хозяйственных целях.

главным образом, результат присоединения сельских районов к городам или же присвоения статуса города прежним сельским поселениям.

Однако существуют и другие интерпретации данного явления. Веслав Лагодзиньский утверждает, например: “У меня есть своя теория, согласно которой можно говорить о новой категории людей — например, банкиров, маклеров, чиновников высокого уровня, решивших освоить новую форму экономической деятельности и покупающих земельные хозяйства. Правда, особого спроса на сельскохозяйственную продукцию нет, но желание быть ближе к природе настолько сильно, что они ориентируются на село” [7]. Иначе рассуждает Барбара Федышак-Радзеёвская, полагающая, что мы имеем дело с изворотливыми и хитрыми жителями городов, которые закупили сельскохозяйственные наделы и пользуются не полагающимися им страховыми льготами [1, с. 3]. Однако нам сложно на основании материалов переписи решить, какое из указанных объяснений больше отвечает действительности.

В дальнейших рассуждениях мы сосредоточимся прежде всего на населении, связанном с сельским хозяйством в рамках домохозяйства, использующего земельный надел больше 1 га. Среди многих причин такого сокращения диапазона анализа отметим две, по нашему мнению, особенно существенные. Во-первых, хозяйства с земельным наделом свыше 1 га с 2004 года должны быть главным объектом Общей аграрной политики Европейского Союза. Во-вторых, люди, работающие в данных хозяйствах, — это основная масса представителей типичной, современной категории польских аграрников, перспективы которых зависят в огромной мере от их умений и эффективности предпринимательской деятельности в качестве производителей продуктов питания.

Больше половины (около 55%) сельскохозяйственного населения в 2002 году были связаны, так же, как и в 1996, с мелкими земельными хозяйствами (до 5 га). Почти треть этих хозяйств находилась в пользовании людей в возрасте 65 лет и старше. Можно считать, что данные хозяйства не имеют перспективы, теряют свое значение, и в будущем мы будем наблюдать сокращение их количества.

Если речь идет об образовании населения, связанного с сельским хозяйством, то можно отметить характерные изменения. Количество людей с высшим образованием составляло в 2002 году немногим более 4%, тогда как в 1996 — немногим более 1%. Причем стоит подчеркнуть, что уровень образования был выше среди женщин, чем среди мужчин. В то же время доля людей со средним образованием несколько выше 21%, то есть возросла приблизительно на 7%. Повышение уровня образования сельскохозяйственного населения достаточно заметное. Однако следует помнить о существующей по-прежнему дистанции относительно городского населения, среди которого доля людей с высшим образованием составляла в 2002 году почти 14% (см. табл. 2).

Категория населения, связанного с сельским хозяйством, естественно, неоднородна. Основным критерием дифференциации являются, согласно принятому нами в этой работе способу описания, источники доходов. Это показывает действительную причастность данного населения к сельскому хозяйству, позволяя одновременно ответить на вопрос, сколько на самом деле в Польше аграрников. Следует помнить, что для половины лиц, связанных с сельским хозяйством (почти что 52%), оно, собственно говоря, не является источником доходов. Только для каждого третьего оно составляет

исключительный или основной источник доходов. Значит, можно с полной уверенностью констатировать, что довольно большая часть формально отнесенных к категории сельскохозяйственного населения людей с сельским хозяйством имеет мало общего. Более того, данная тенденция усиливается. За последние шесть лет, что минули после предыдущей сельскохозяйственной переписи, уменьшилось почти на 30% число людей, живущих исключительно или в основном за счет работы в сельском хозяйстве (!). В свою очередь, на 60% уменьшилось число людей, для которых сельское хозяйство было дополнительным источником существования. Это говорит об ускоренном процессе дезаграризации сельскохозяйственного населения в Польше, что является доказательством дифференциации этой категории на тех, кто действительно занимается сельским хозяйством, тех, кто перешел к другой деятельности, и наконец, остальных “вытесненных за рамки” общества, что составляет все более серьезную социальную проблему.

Таблица 2

Уровень образования в 2002 году, %*

Образование	Население, связанное с сельским хозяйством	Население сельское	Население городское	Население Польши
Начальное	39,3	38,3	22,2	28,2
Основное профессиональное	27,8	29,2	21,1	32,6
Среднее (также лицей)	21,3	22,4	38,6	24,1
Высшее	4,3	4,3	13,7	10,2

* Проценты для сельскохозяйственного населения подсчитаны для лиц в возрасте 13 лет и старше, для остальных категорий — 15 лет и старше. Сумма процентов не равна 100, поскольку в таблице не учтена категория лиц с неопределенным уровнем образования.

Как же тогда выглядит категория людей, которые живут за счет сельского хозяйства? Если отвлечься от формального определения *пользователя земельного хозяйства* (*użytkownik gospodarstwa rolnego*) и сконструировать социально-экономическую дефиницию аграриев, то есть человека, для которого работа в сельском хозяйстве является основным источником существования, то в свете результатов последней сельскохозяйственной переписи таких людей будет в Польше 1385,1 тыс., что составляет 5,9% (!) всех поляков в трудоспособном возрасте.

Такой показатель определенно лучше отражает действительную ситуацию в нашей стране, нежели часто встречающаяся информация о более чем 20% работающих в сельском хозяйстве, что основывается, естественно, на формальных определениях, относящихся к членам домохозяйств, связанных с пользованием земельным наделом свыше 0,1 га.

Это, естественно, не все *пользователи земельных хозяйств* (напомним, что нас интересуют в этой работе, прежде всего, хозяйства, с наделом площадью больше 1 га). Согласно данным переписи, в 2002 году в Польше было 1896 тыс. таких лиц. “Настоящие” аграрии, упомянутые выше, составляют, таким образом, 73% данной совокупности. Среди пользователей земельных

хозяйств значительно преобладают мужчины (71%), а также люди в возрасте 30–59 лет (73%). Около половины пользователей (почти 45%) — это люди в мобильном трудоспособном возрасте (до 45 лет). Эти люди пользуются чаще крупными наделами, а люди старше трудоспособного возраста являются, главным образом, пользователями меньших хозяйств, что дополнительно подтверждает ранее сформулированный тезис о малых хозяйствах, теряющих свое значение.

Изменился также уровень образования пользователей земельных хозяйств. Почти вдвое с 1996 года выросла в этой категории доля лиц с высшим образованием (в настоящее время составляет 5%). Это означает, что у пользователей этих хозяйств несколько выше уровень образования, нежели в целом всего населения, связанного с сельским хозяйством, или даже всего сельского населения (см. табл. 2). Почти каждый пятый из них имеет какое-то сельскохозяйственное образование, но вместе с тем половина не имеют сельскохозяйственной подготовки. Профессиональный уровень пользователей хозяйств оставляет желать лучшего, хотя и здесь видны положительные тенденции. С 1996 года доля людей, имеющих сельскохозяйственное образование, повысилась в этой категории почти на 8%.

Динамика аграрной структуры и деятельности хозяйств

Данные переписи указывают на важный элемент процесса модернизации сельского хозяйства, каковым является снижение количества хозяйств. Если принять во внимание все хозяйства (включая участки не больше 1 га), их количество уменьшилось со свыше 3 млн в 1996 до 2933,2 тыс. в 2002 году. Но это только одна сторона медали. Другой является рост средней величины хозяйств. Данный процесс также можно наблюдать в Польше. С 1996 до 2002 года средняя площадь земельных наделов (учитывая тех, чья площадь превышает 1 га) возросла с 7,0 га до 8,4 га. Повысилась также обеспеченность хозяйств сельскохозяйственной техникой. За этот период, к примеру, количество зерноуборочных комбайнов возросло с 82,7 тыс. до 118,1 тыс., картофелеуборочных — с 74,8 тыс. до 80,7 тыс., свеклоуборочных — с 26,2 тыс. до 32,0 тыс., садовых опрыскивателей — с 32,1 тыс. до 41,4 тыс., а предназначенных для сбора силоса комбайнов — с 10,9 тыс. до 12,0 тыс.

Существуют ли также другие аргументы в пользу тезиса о прогрессирующей модернизации польского сельского хозяйства и тенденциях выделения в нем сильного рыночного сектора? Например, происходят ли типичные для этих тенденций процессы диверсификации хозяйств и концентрации производства?

Таблица 3

Число хозяйств с земельными наделами больше 1 га в 1996 и 2002 годах

Группы сельскохозяйственных площадей	1996		2002	
	тыс.	%	тыс.	%
Всего	2046,8	100,0	1956,1	100,0
1–5 га	1130,4	55,2	1146,8	58,7
5–20 га	828,1	40,5	693,4	35,4
Более 20 га	88,3	4,3	115,9	5,9

Данные таблицы 3 явно указывают на типичный для модернизирующегося сельского хозяйства процесс “исчезающей середины” (disappearing middle) [см., напр.: 2]. Он заключается в уменьшении доли хозяйств, признанных средними, и увеличении доли хозяйств в крайних группах (“мелких” и “крупных”). В этом выражается дифференциация сельскохозяйственных производителей и прогрессирующее в их среде расслоение. Именно так и происходит в Польше. Процент мелких хозяйств (до 5 га) возрос на протяжении последних 6 лет приблизительно с 55% почти до 59%. Подобная тенденция наблюдается и в случае крупных хозяйств (более 20 га). Их удельный вес возрос с приблизительно 4% до почти 6%. Зато показатели средних хозяйств уменьшились ощутимо — с почти 41% до приблизительно 35%.

Другое явление, связанное с модернизацией сельского хозяйства, — концентрация производства. Попытаемся оценить данный процесс на основании доступного нам на данный момент показателя — концентрации земли в отдельных группах хозяйств. Процесс концентрации заключается в том, что систематически увеличивается доля крупных хозяйств в общем количестве используемых земельных наделов (см. табл. 4).

Таблица 4

Количество хозяйств с земельными наделами более 1 га по группам, выделенным на основе размеров хозяйства

Группы хозяйств	1996		2002	
	тыс.	%	тыс.	%
Всего	19410,0	100,0	18787,4	100,0
1–5 га	3415,8	17,6	3327,3	17,7
5–20 га	8966,9	46,2	7631,9	40,6
Более 20 га	7027,3	36,2	7828,2	41,7

Данные, представленные в таблице 4, по нашему мнению, весомо подтверждают наличие упомянутой выше тенденции. Прежде всего отметим, что в 1996–2002 годах, несмотря на явное уменьшение площади земельных наделов, площадь земли в самых крупных хозяйствах росла, а в остальных категориях хозяйств уменьшалась. Тем самым значительно увеличилась доля самых крупных хозяйств в общей площади земельных наделов. Если в 1996 году на хозяйства с наделами более 20 га приходилось около 36% земельных наделов, то в 2002 году — уже около 42% этих площадей. Рассмотрим далее показатели модернизации хозяйств сквозь призму характеристик людей, в них работающих. Как упоминалось раньше, возрос уровень образования пользователей земельных хозяйств. Это подтверждают также сводные данные, относящиеся ко всем лицам, работающим в индивидуальных аграрных хозяйствах. Кроме того, оказывается, что повышение уровня образования коррелирует с величиной хозяйства. Например, лица, работающие в хозяйствах с наделами более 50 га, в значительной мере более образованные, чем те, кто работает в отсталых хозяйствах. Среди первых чуть ли не половина (почти 48%) имеют как минимум среднее образование, тогда как среди остальных немногим более одной пятой (около 21%).

Процессы модернизации в сельском хозяйстве означают также вытеснение многих хозяйств из сферы производства, а для людей, связанных с ними, необходимость поиска дополнительных доходов. Данные, полученные во время последней переписи населения, указывают и на эти процессы. За период между переписями приблизительно на одну пятую уменьшилось количество хозяйств, ведущих экономическую деятельность (что означает окончательное свертывание, либо временную приостановку сельскохозяйственного производства). В свою очередь, на 46% возросло количество хозяйств, обращающихся к деятельности, не связанной с сельским хозяйством. Чаще всего речь идет о торговле или переработке сельскохозяйственной продукции, а также работе в сфере строительных и транспортных услуг.

Заключение

Приведенный выше анализ, по нашему мнению, однозначно указывает на модернизационные преобразования, происходящие в селе как в экономической сфере, связанной, главным образом, с сельским хозяйством, так и в социальной, о первых свидетельствуют такие наблюдаемые в этой области процессы, как прогрессирующая диверсификация земельных хозяйств, концентрация земли в группе самых крупных хозяйств, повышение обеспеченности хозяйств специализированной техникой, увеличение средней площади хозяйств при одновременном сокращении количества. Можно сказать, что это — типичные тенденции, еще актуальные в высокоразвитых странах. В этом контексте они говорят о прогрессирующей модернизации, близящейся к своему завершению, наверстывании отставания в данном направлении развития. Таким образом, земельные хозяйства в Польше постепенно теряют, по словам Яцека Кохановича, свой “посттрадиционный” характер [6]. Данный процесс коррелирует с повышением уровня образования пользователей хозяйств, а также работников крупных сельскохозяйственных предприятий. Своеобразным подтверждением изменения характера польского села является также все более явственная резидентная функция сельских районов.

В социальной сфере модернизации села важным моментом является проблема образования. Как отмечалось, его уровень среди пользователей земельных наделов и работников крупных хозяйств постоянно растет. Оказывается также, что сам факт проживания в селе в меньшей мере определяет перспективы образования детей, нежели другие особенности семьи, такие как уровень образования родителей, а также состав семьи (полная или неполная). Последний фактор, видимо, существенно влияет на материальное положение семьи.

В нашей работе не анализировался уровень жизни в селе в целом и в земельных хозяйствах в частности. Однако о худшем материальном положении сельских жителей могут свидетельствовать приведенные величины ВВП на душу населения в наиболее “сельских” воеводствах, а также более низкие, в сопоставлении с городами, показатели образования детей из больших неполных семей, проживающих в селе. В пользу данного тезиса может свидетельствовать также значительный рост числа земельных хозяйств, пользователи которых занимаются деятельностью, не связанной с сельским хозяйством (хотя данный показатель можно интерпретировать как отраже-

ние тенденции вытеснения традиционной модели сельского хозяйства, при котором пользователь и его семья занимаются исключительно работой на земле и/или животноводством). Здесь, безусловно, сказывается и безработица, которая отнюдь не минует села и, похоже, имеет в сельских условиях даже более болезненный, чем в городе, характер (в большей степени касается молодых людей и чаще носит долговременный характер).

Важным выводом, который, по нашему мнению, следует из проведенного выше (подчеркнем еще раз, выборочного) анализа, является признание недостаточности оперирования высокоагрегированными, так сказать, глобальными показателями. Например, по словам Кристины Нашковской, в Польше более четверти населения (свыше 27%) связано с сельским хозяйством. Такой показатель служит подтверждением всяческих предубеждений по адресу Польши как отсталой страны и жупелом для всех тех, кто прочит провал бюджета Общей сельскохозяйственной политики Европейского Союза после ряда трансфертов в пользу польских аграрников. Если же мы используем в этом контексте не формальную дефиницию человека, связанного с сельским хозяйством, а социально-экономическую дефиницию агрария, данный показатель снизится до менее чем 6%.

Таким образом, это оправдывает необходимость анализа данных социальных групп по различным категориям, поскольку именно такое исследование делает возможным тщательное распознавание существующих в обществе явлений и происходящих процессов.

Другая проблема, которую следует здесь отметить, касается методологических вопросов, связанных со способом сбора данных Главным статистическим управлением. В контексте обсуждаемой нами темы нужно обратить внимание на два момента. Один относится к способу определения села и города. Принятая нами официальная дефиниция осложняет сравнение различных явлений и процессов в сопоставлении, скажем, со странами Европейского Союза, где данные собираются на основании определения сельского района по критерию плотности населения. Другой момент (который, впрочем, довольно очевиден в контексте нашей статьи) — это недостаток информации о локализации и характере учебных заведений, где исследуемые получают образование. Общего деления на основании официальных норм на начальное, среднее или высшее образование, а также на дневную и заочную формы обучения и экстернат сегодня уже недостаточно. Мы не смогли, например, более точно охарактеризовать ситуацию с образованием сельской молодежи в сопоставлении с городской.

Оказалось также, что для четкого отслеживания обсуждаемых процессов данные, собранные ГСУ, не всегда дают исчерпывающую информацию. Наглядным примером является полемика по поводу числа земельных хозяйств в городах. Является ли это эффектом жупелических махинаций определенной группы городских жителей (как полагает Барбара Федышак-Радзеёвская) или же результат тоски по природе, ставшей уделом богатых поляков (как, похоже, полагает представитель ГСУ), на этот вопрос мы пока не в состоянии ответить. Необходимо социологическое исследование, посвященное разностороннему анализу данной особой социальной категории. С такой точки зрения, социологический анализ, хотя и может опираться на материалы и разработки Главного статистического управления, не может ими ограничиваться.

Литература

1. *Fedyszak-Radziejowska B.* Gospodarstwo – ostoja bezpieczeństwa // *Nasz Dziennik*. – 2003. – № 170 (1666), <http://www.naszdziennik.pl>.
2. *Gorlach K.* Obronie ducha Ameryki. Kwestia rolna i socjologia wsi we współczesnych Stanach Zjednoczonych. – Kraków, 1995.
3. *Gorlach K., Drag Z., Serega Z.* Młode pokolenie wsi III Rzeczypospolitej. Aspiracje życiowe w przeddzień integracji z Unią Europejską. – Warszawa, 2003.
4. *Gorlach K., Starosta P.* Depeasantisation or re-peasantisation: changing rural social structures in Poland after World War II // *Granberg L., Kovach I., Tovey H. (eds.)*. Europe's Green Ring. – Aldershot; Burlington; Singapore; Sydney, 2001. – P. 41–65.
5. *Halamska M.* Chłopi polscy na przełomie epok. – Warszawa, 1991.
6. *Kochanowicz J.* Spór o teorię gospodarki chłopskiej. Gospodarstwo chłopskie w teorii ekonomii i historii gospodarczej. – Warszawa, 1992.
7. *Lagodziński W.* Polacy przenoszą się z miasta na wieś. – <http://www.gazeta.pl>.
8. *Milbourne P.* The complexities of hunting in rural England and Wales // *Sociologia Ruralis*. – 2003. – № 3 (43). – P. 289–308.
9. *Naszkowska K.* Raport GUS na temat polskiego rolnictwa. – <http://www.gazeta.pl>.
10. *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class? – L., 1996.
11. *Ploeg J. van der, Dijk G. van (eds.)*. Beyond Modernization. The Impact of Endogenous Rural Development. – Assen, 1995.
12. Raport z wyników Spisu Powszechnego Ludności i Mieszkań (2003a). – <http://www.stat.gov.pl>.
13. Raport z wyników Powszechnego Spisu Rolnego (2003b). – <http://www.stat.gov.pl>.
14. Rozwój obszarów wiejskich // Raport o rozwoju społecznym. – Warszawa, 2000.
15. *Woods M.* Conflicting environmental visions of the rural windfarm development in Mid Wales // *Sociologia Ruralis*. – 2003. – № 3 (43). – P. 271–288.

Перевод с польского Екатерины Костецкой, Светланы Иващенко